

Ей было дано «сладостное право опережать века», но ее стихи, высоко оцененные Анной Ахматовой, Арсением Тарковским, Борисом Пастернаком, остались малоизвестными широкой публике. Но она и не стремилась к известности, и не обивала пороги издательств. «Одним радостно, когда они печатаются, другим – когда они пишут», – говорила она. Написав первое стихотворение в шесть лет, свою первую опубликованную книгу она держала в руках в шестьдесят. Шесть и шестьдесят – целая жизнь, которую она прожила, ни разу не изменив высокому искусству поэзии. «Мастерицей виноватых взоров» назвал поэтессу влюбленный в нее Осип Мандельштам – ведь о ее скромности и привычке держаться в тени, не поднимая глаз, ходили легенды... Ее подруга Вера Звягинцева так писала о ней:

*«Покажись, безымянное чудо!
Что ты так притаилась одна?
Ты откуда такая, откуда,
Что и слава тебе не нужна?»*

Зная цену своему невероятному дару, она не искала мирской славы...

Мастерица виноватых взоров

Поэтесса и переводчица Мария Петровых родилась 26 марта 1908 года в Норском Посаде, где на хлопчатобумажной фабрике работал инженером ее отец. Сейчас это часть Ярославля, и имя Марии Петровых носит одна из ярославских библиотек. Мария была младшей из пятерых детей большой и дружной семьи Петровых, и детство будущей поэтессы было счастливым и радостным. Дети росли в атмосфере любви и заботы, а самое главное – в атмосфере подлинной интеллигентности и духовности. Позже Мария вспоминала, как перед сном, в ночных кофточках, на коленях, они непременно читали молитвы на сон грядущий, вместе с мамой, необыкновенно красивой и беспрдельно любимой...

В четыре года Мария уже пыталась читать Чехова. Часто приходилось отбирать у нее книги – она буквально проваливалась в чтение. В шесть лет она написала первое четверостишие – и это невероятное ощущение чуда рождения стиха сохранила на всю жизнь. Когда ей исполнилось четырнадцать, ее приняли в Ярославский Союз поэтов. «Окончив школу, уехала в Москву, поступила на Высшие государственные литературные

курсы, – вспоминала Петровых. – Экстерном окончила Московский университет. На одном курсе со мной учились ставшие впоследствии замечательными поэтами Арсений Тарковский и Юлия Нейман... Много писали стихов... Я не носила стихов по редакциям. Было без слов понятно, что они «не в том ключе». Да и в голову не приходило ни мне, ни моим друзьям печатать свои стихи. Важно было одно: писать их».

Дружба Марии Петровых и Анны Ахматовой началась в 1933 году, когда Мария Сергеевна сама пришла к Анне Андреевне в Фонтанный дом, и продолжалась более тридцати лет. «Почему пришла? Стихи ее знала смутно. К знаменитостям тяги не было никогда. Ноги привели, судьба, влечение необъяснимое... Пришла как младший к старшему», – вспоминала Петровых. Ахматова очень дорожила дружбой с Петровых и называла подругу «моя Маруся». Приезжая в Москву, она часто останавливалась «у Петровых на Беговой».

Русское поэтическое слово переливалось в стихах Марии Петровых всеми своими гранями. «Глубина замысла и способность к особому словосочетанию делают ее стихи ярким явлением в

нашей поэзии. Слова в стихах Марии Петровых светятся, загораясь одно от другого, соседнего. Тайна поэзии Марии Петровых – тайна сильной мысли и обогащенного слова», – отмечал Арсений Тарковский. А Ахматова говорила о Петровых, что «Маруся знает язык, как Бог...» и называла ее стихотворение «Назначь мне свиданье на этом свете» одним из шедевров любовной лирики XX века. Стихотворение было посвящено писателю Александру Фадееву, которого Мария Петровых любила. Несмотря на свою скромность, робость, гордость и тихость, по натуре она была страстной, увлекающейся женщиной и любила многих. И ее любили – многие...

Ей дано было познать семейное счастье – в 1936 году Петровых вышла замуж за музыковеда Виталия Головачева. Но уже в следующем году он был осужден на пять лет лагерей, где через некоторое время скончался. Оставшись одна с грудной дочерью на руках, Мария Сергеевна мужественно перенесет и смерть горячо любимого отца, и гибель в огне пожара их дома в Сокольниках. А 22 июня 1941 года началась война...

Мария Сергеевна вместе с дочерью была эвакуирована в Чистополь, город, который стал своеобразной «писательской колонией». «Это было трагическое и замечательное время. Это было время необычайной душевной сплоченности, единства. Все разобщающее исчезло...», – вспоминала она впоследствии. По инициативе Бориса Пастернака в Чистополе состоялся ее творческий вечер, прошедший с таким успехом, что Пастернак признался, что завидует Петровых творческой завистию.

В 1942 году, когда поэтесса вернулась в Москву, состоялся еще один ее творческий вечер. Уступив нажиму друзей, она все-таки подготовила рукопись своих стихов к публикации, но ее книга была отвергнута издательством из-за «не созвучия эпохе». Только в 1968 году в Армении вышла книжка ее стихов «Дальнее дерево», сразу ставшая библиографической редкостью. Другие книги поэтессы начали выходить лишь после ее смерти.

Среди коллег-поэтов она прослыла отшельницей, все свои силы отдававшей переводу на русский язык национальных поэтов – благодаря ей на русском языке зазвучали Сильва Капутикян, Рабиндранат Тагор, Саломея Нерис и многие другие, – а свои стихи пишущей «в стол». Ее высокий поэтический голос звучал только для близких и друзей. Эту загадку попытался разгадать поэт Давид Самойлов: «Редкие публикации стихов Марии Петровых можно объяснить ее огромной взыскательностью к себе. Думаю, дело не только в этом. Поэзия Петровых – истинная лирика, настолько личная, настолько сильно пережитая, что, кажется, поэту тяжело и невозможно было расставаться с ней и выносить ее на форум и на суд. Но, наверное, и у нее была потребность поделиться стихами с читателем, потребность тоже истинно поэтическая».

Вдохновение не покидало ее. Стойкая, внутренне сильная и твердая, Мария Петровых в любых обстоятельствах находила в себе силы творить. И помогать другим, в чем испытывала насущную потребность – называя себя «нелепым, нескладным, оцепеневшим человеком», сколь многим она дарила душевное тепло, дружбу и заботу и протягивала бескорыстную руку помощи! На нее можно было опереться в трудную минуту, и друзья это знали – когда арестовали сына Ахматовой Льва Гумилева, она давала подруге деньги для передачи в Лефортовскую тюрьму, где содержался Гумилев, безработным поэтам помогала с переводами... «Ты, Мария, гибнущим подмога!» – сказал о ней Мандельштам.

В периоды неожиданного молчания, поэтического затишья, когда стихи не рождались, Марии Петровых было очень больно и тяжело. В надежде на чудо она записывала в дневнике: «Господи, помоги мне. Пусть будут стихи – столько раз слышала их, сквозь меня, сквозь сердце шли потоком – только записать, а лень мне было встать, взять тетрадку – думала – не забуду, запишу. А теперь – столько месяцев молчание – глухое, мерт-

вое. Господи, дай мне услышать!» И Господь давал по ее молитвам... Поэт и переводчик Поэль Карп вспоминал, что Мария Петровых была очень религиозна: «Ей казалось, что совесть обретает в вере подспорье. Но она соглашалась, что вера сама по себе не дает никаких гарантий. О проходившей мимо девушке, надевшей крест поверх платья, М.С. Петровых сказала: «Она хочет наладить с Богом связь, как с влиятельным лицом, который потом по знакомству поможет, и наперед демонстрирует, какие у нее знакомства. А Богу видно не крест на платье, а душу»».

Проникновенно выразил самую суть ее поэтического и человеческого дара Давид Самойлов:

*«Этот нежный, чистый голос,
Голос ясный, как родник...
Не стремилась, не боролась,
А сияла, как ночник».*

Ночник погас в 1979 году, когда поэтесса умерла от тяжелой болезни. Ее похоронили на Введенском кладбище в Москве. На ее памятнике выбита эпитафия, которую Мария Петровых написала незадолго до смерти:

*«Недостойной дарован
Господней рукой
Во блаженном усупии
Вечный покой».*

Как она и предсказывала в своих стихах, ее «подвиг безвозмездный» «не обратился в прах»... Ее стихи хочется перечитывать снова и снова, а значит, она продолжает жить и сиять. И как же современно звучит ее поэзия в наши дни! Ведь у души, как известно, нет возраста.

Елена ЕРОФЕЕВА-ЛИТВИНСКАЯ

